

**ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ**

**КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК
З. В. С МИР Н О В А**

МИРОВОЗЗРЕНИЕ В. Г. БЕЛИНСКОГО

Стенограмма публичной лекции,
прочитанной 2 апреля 1948 года
в Центральном лектории Общества
в Москве

●

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

МОСКВА

1948 г.

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Кандидат философских наук
З. В. СМИРНОВА

МИРОВОЗЗРЕНИЕ В. Г. БЕЛИНСКОГО

Стенограмма публичной лекции,
прочитанной 2 апреля 1948 года
в Центральном лектории Общества
в Москве

ПЛАН ЛЕКЦИИ

	Стр.
Общая характеристика мировоззрения Белинского	3
Идейное развитие Белинского в 30-х годах	7
Общественно-исторические, философские и эстетические воззрения Белинского в 40-х годах	15

Редактор — М. А. ЛИФШИЦ

А 04552

Тираж — 60.000 экз.

Заказ № 1190.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Общая характеристика мировоззрения Белинского

Имя Виссариона Григорьевича Белинского принадлежит к числу тех великих имён, которые составляют славу и гордость нашего народа. В грозные ноябрьские дни 1941 года оно было названо товарищем Сталиным среди других знаменитых имён выдающихся сынов великой русской нации.

Сферой деятельности Белинского была литературная критика. «Я литератор, — писал о себе Белинский, — говорю это с болезненным и вместе радостным и гордым убеждением. Литературе расейской моя жизнь и моя кровь»¹. Действительно, «жизнь и кровь» свою отдал Белинский русской литературе. Его заслуги перед нею громадны. Он сумел понять и оценить плодотворность и огромное общественное значение реалистического направления в русской литературе. С первых шагов своей литературной деятельности и до последних дней её он боролся с реакционной казённо-патриотической литературой кукольников и булгаринных, разоблачая её ложную «народность». Он ратовал за демократизацию литературы, защищая «наводнение литературы мужиками», обращение её к изображению жизни простого народа. Он дал глубокий анализ творчества великих русских писателей — Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Он явился, по справедливому замечанию Чернышевского, первым историком русской литературы. И прав был Добролюбов, который писал в 1859 году: «Что бы ни случилось с русской литературой, как бы пышно ни развилась она, Белинский всегда будет её гордостью, её славой, её украшением»².

Но значение деятельности Белинского выходит далеко за рамки литературы и эстетики. В критике Белинского нашло своё выражение не только новое воззрение на литературу, но и «новое воззрение на мир, на жизнь», которое, по словам Герцена, «поразило всё мыслящее в России». Деятельность Белинского составила эпоху не только в истории русской литературы и эстетики, но и в истории русской философской мысли, в истории революци-

¹ В. Г. Белинский. Письма, т. II, стр. 91.

² Н. А. Добролюбов. Собр. соч., т. II, стр. 470.

онного движения в России. Он был первым представителем идеологии русской революционной демократии XIX века. Глубокий и оригинальный ум, блестящий литературный талант, темперамент трибуна-бойца, отданные бескорыстному служению прогрессивным идеалам, сделали Белинского идейным вождём целого поколения передовых русских людей. В историю русской культуры он вошёл как один из тех великих деятелей, которые развитием и пропагандой прогрессивных идей прокладывали пути для марксизма в России. Ленин назвал Белинского наряду с Герценом и Чернышевским предшественником русской социал-демократии.

Деятельность Белинского относится к тому периоду в развитии русского освободительного движения, который Ленин называл «дворянским». Знаменитый критик был представителем нового общественного слоя — разночинцев. Руководящая роль разночинца Белинского в идейной жизни русского общества в 40-х годах была показателем намечавшихся исторических сдвигов в развитии освободительного движения в России. Белинский, по словам Ленина, был ещё при крепостном праве предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в русском освободительном движении.

В ту эпоху, когда жил и действовал Белинский, все общественные вопросы в России сводились, по словам Ленина, к борьбе против крепостного права. Убеждение в необходимости уничтожения крепостного права, сочувствие народу, находящемуся в тисках крепостного состояния, неизменно лежали в основе деятельности Белинского. На протяжении всего пути идейного развития Белинского характерными чертами его мировоззрения были гуманизм, вера в прогресс человечества, уверенность в силе разума и науки, страстное желание видеть Россию свободной и счастливой, стремление разбудить, просветить народ.

В. И. Ленин, говоря о русских революционерах-демократах XIX века, в том числе о Белинском, неоднократно указывал на то, что в их мировоззрении находили своё выражение интересы и чаяния широких народных масс. Опровергая реакционные измышления «веховцев», пытавшихся представить великих революционных демократов чуждыми народу «интеллигентами», Ленин утверждал, что в действительности они выражали интересы самых широких масс населения в борьбе за «элементарнейшие права народа, нарушаемые крепостническими учреждениями»¹.

Это указание Ленина имеет первостепенное значение для понимания мировоззрения Белинского и пути идейного развития знаменитого критика. В развитии взглядов Белинского находило своё отражение реальное развитие классовой борьбы, постепенное нарастание протеста против крепостного права среди широких масс народа. И если Белинский до конца своей жизни не видел и не мог видеть в России революционного народа, то тем не менее

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XIV, стр. 219.

радикализация его взглядов в 40-х годах, несомненно, отразила обострение классовой борьбы в это время и в России и на Западе.

В мировоззрении Белинского чрезвычайно ясно выражены характерные для передовой русской мысли связь с жизнью, стремление поставить теорию на службу практической деятельности, теоретически осмыслить и решить те проблемы, которые выдвигала современная действительность и в первую очередь русская действительность, русская жизнь. «Важность теоретических вопросов, — писал Белинский, — зависит от их отношения к действительности... У себя, в себе, вокруг себя, вот где должны мы искать и вопросов и их решения»¹.

В центре теоретических интересов Белинского три основных комплекса проблем.

Человек, его место в мире, его назначение — таков вопрос, в первую очередь занимавший мысль Белинского. «Человек всегда был и будет самым любопытнейшим явлением для человека»². — писал Белинский в «Литературных мечтаниях». В философии Белинский искал прежде всего разгадки, объяснения «тайн существования» человека. Он стремился понять сущность человека, определить его место в природе и его роль в истории, выяснить назначение человека, цели человеческой деятельности и её принципы. Интерес Белинского к этим вопросам отнюдь не был следствием одного только «любопытного стремления». Он был продиктован горячим желанием критика найти научное обоснование своим гуманистическим идеалам, определить задачи и принципы деятельности передовых русских людей, стремившихся содействовать прогрессу родной страны.

«В полной и здоровой натуре тяжело лежат на сердце судьбы родины, — писал Белинский, — всякая благородная личность глубоко сознаёт своё кровное родство, свои кровные связи с отечеством»³. Эти замечательные слова полностью приложимы к самому Белинскому. Судьбы родины глубоко волновали его. Естественно, что вопрос о России — о месте русского народа в общей истории человечества, об особенностях исторического развития России, о перспективах этого развития — занял важнейшее место в мировоззрении великого критика.

Стремление понять ход русской истории, объяснить настоящее России и предвидеть её будущее сочеталось у Белинского с живым интересом к общим вопросам социологии и истории, с попыткой уяснить основные закономерности истории человечества.

Третий круг вопросов, занимавших мысль Белинского, включал в себя ряд важнейших проблем эстетики. В искусстве Белинский видел не «приятное препровождение времени», не «весёлое занятие от нечего делать», а «серьёзное дело, требующее размышления, вызывающее на мысль, развивающее и ум и сердце».

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. X, стр. 411 — 412.

² В. Г. Белинский. Соч., т. I, стр. 370.

³ В. Г. Белинский. Соч., т. VI, стр. 9.

«Искусство, — писал критик, — должно иметь не одних только дилетантов, но и жрецов, героев и мучеников, которые, не производя ничего сами, тем не менее занимаются им как делом своей жизни, как своим назначением, горячо берут к сердцу его успехи, его ослабление, его упадок; изучая его сами, объясняют его другим»¹. Именно так занимался искусством сам Белинский. Борьба за развитие самобытной, реалистической литературы в России стала его назначением, делом его жизни.

Три круга проблем в мировоззрении Белинского тесно связаны между собой. Эта тесная связь и переплетение философских, социально-политических и эстетических вопросов представляет собой характерную особенность мировоззрения Белинского, отчётливо выступающую на всём пути развития его мысли.

Путь этот чрезвычайно сложен и противоречив. Это трудный и мучительный путь искания правильной революционной теории, теоретического оружия для борьбы с современной Белинскому русской действительностью. К Белинскому в полной мере относятся слова Ленина о передовой русской мысли XIX века, которая «под гнётом невиданного, дикого и реакционного царизма жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области»².

В развитии мысли Белинского можно установить два основных этапа. Первый из них относится к 30-м годам, второй охватывает 40-е годы, после переезда Белинского в Петербург. Основанием для такого деления является изменение политических позиций Белинского на рубеже 30-х и 40-х годов. В это время он переходит от абстрактного гуманизма к революционному демократизму. Внутри каждого из этих двух этапов идейного развития Белинского, в свою очередь, видны определённые рубежи. 30-е годы можно разделить на два периода: 1830—1837 и 1837—1840 годы (годы так называемого «примирения с действительностью»). Для 40-х годов внутренним рубежом в развитии мысли Белинского являются 1844—1845 годы, когда он переходит к философскому материализму.

40-е годы были наиболее зрелым и плодотворным периодом в деятельности Белинского. Белинский 40-х годов — убеждённый революционер-демократ, непримиримый борец против крепостного права и самодержавия, глубокий обличитель капиталистических порядков, сторонник «идеи социализма». В эти годы с полной силой раскрывается талант Белинского как блестящего диалектика, стремящегося использовать диалектику для обоснования борьбы против «гнусной расейской действительности». В 40-х годах совершается переход Белинского к философскому материализму и атеизму. Борьба Белинского в 40-е годы против

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. IX, стр. 417—418.

² В. И. Ленин. Соч., т. XXV, стр. 175.

теории «искусства для искусства», страстная защита высоко идейного, реалистического искусства образует начало великой традиции передовой русской эстетической мысли и литературной критики — традиции борьбы за боевое искусство, за служение искусства народу.

40-е годы были временем наибольшего влияния Белинского на современников. Имя его в этот период стало символом прогрессивных идей, мужественной защиты своих убеждений, отсутствия слепого преклонения перед авторитетами, душевной чистоты и благородства. Сила влияния Белинского, воспитывавшего своими статьями огнюдь не «верноподданнические» чувства, пугала представителей охранительного направления в литературе и вызывала их злобную ненависть к нему. Деятельность Белинского сильно тревожила и официальных «охранителей» — чиновников III отделения. Цензура расправлялась со статьями знаменитого критика самым свирепым образом. Узкие рамки, в которые ставила его цензура, сокращения и искажения статей цензорами возмущали Белинского. Целиком отдавшись «идее служения обществу», он глубоко страдал от сознания невозможности открытой политической борьбы и прямого высказывания своих убеждений. «Свобода действовать для общества» была его сокровеннейшей мечтой: «Тогда бы я умер на дести бумаги и, если бы чернила все вышли, отворил бы жилу и писал бы кровью...»¹.

Можно с уверенностью утверждать, что только преждевременная смерть спасла Белинского от «тёпленького каземата», о котором говорил Белинскому при встрече с ним комендант Петропавловской крепости. Известно, что Дубельт, узнав о смерти Белинского, сказал: «Жаль, что Белинский умер. Мы бы его сгноили в крепости».

Это «сожаление» николаевского жандарма весьма показательно. Та Россия, на страже которой стоял Дубельт, — Россия крепостников и Николая I — имела в лице Белинского непримиримого врага и беспощадного обличителя. Но, кроме России Николая и Дубельта, Бенкендорфа и Уварова, была другая Россия — многомиллионный русский народ. Эту вторую, истинную Россию Белинский любил всем своим сердцем. Ради неё он жил и работал, её интересы он выражал и защищал.

Идейное развитие Белинского в 30-х годах

Одним из основных элементов мировоззрения Белинского является гуманизм. Для Белинского «нет в мире ничего выше и священнее человека»². Уже в своей юношеской трагедии «Дмитрий Калинин» Белинский выступает как страстный гуманист. Он защищает мысль о высоком назначении человека и его нравственном достоинстве. Свобода является, по мнению Белинского, важ-

¹ В. Г. Белинский. Письма, т. II, стр. 192.

² В. Г. Белинский. Соч., т. X, стр. 213.

нейшим условием осуществления человеком его высокого назначения, равенство людей — основным принципом общественной жизни. Белинский требует, чтобы в основу жизни человека и человеческого общества были положены «права и законы природы и разума», которые отвечают высокому достоинству человека и требованиям справедливого общественного устройства.

В 30-х годах гуманизм Белинского чрезвычайно абстрактен. Белинский далёк ещё от того революционно-демократического гуманизма, которым проникнуты его статьи и письма 40-х годов и который воплощается для него в это время в «идее социализма». Но при всей их абстрактности, гуманистические устремления молодого Белинского имеют вполне реальную основу, являются следствием и выражением его протеста против крепостного права.

В письме к родителям Белинский о своей трагедии писал: «Со всем жаром сердца, пламенеющего любовью к истине, со всем негодованием души, ненавидящей несправедливость, я в картине довольно живой и верной представил тиранство людей, присвоивших себе гибельное и несправедливое право мучить себе подобных»¹. «Тиранство» помещиков — вот что возмутило Белинского с первых же шагов его сознательной жизни, вот что толкнуло его на страстную защиту свободы и прав человека. Белинский критикует не только отдельные злоупотребления помещиков, но и крепостное право вообще, как учреждение, противоречащее естественным законам «природы и разума», как несправедливое и противоестественное состояние, унижающее человеческое достоинство. В уста героя своей трагедии он вкладывает страстный монолог, направленный против крепостничества: «Кто дал это гибельное право — одним людям поработать своей власти волю других, подобных им существ, отнимать у них священное сокровище — свободу? Кто позволил им ругаться правами природы и человечества? Господин может, для потехи или для рассеяния, содрать шкуру с своего раба; может продать его как скота, выменять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь с отцом, с матерью, с сёстрами, с братьями и со всем, что для него мило и драгоценно!»².

Антикрепостнические и гуманистические убеждения молодого Белинского поставили его в оппозицию к официальной идеологии и казённо-патриотической литературе. С самого начала литературно-критической деятельности Белинский стал в лагерь противников идеологии официальной «народности». Он возглавил в русской литературе борьбу против реакционного правительственного «патриотизма».

В мировоззрении Белинского уже в ранние годы деятельности ясно выступает горькое сознание глубокого разрыва между русским «образованным обществом» и массой народа. «И так народ или, лучше сказать, масса народа и общество пошли у нас

¹ В. Г. Белинский. Письма, т. I, стр. 31.

² В. Г. Белинский. Соч., т. I стр. 122.

врозь»¹, — с грустью констатирует молодой критик в «Литературных мечтаниях». Ясно видя отсутствие в «массе народа» просвещения и культуры, он в то же время критикует и высмеивает «высшее сословие общества», которое «забывало всё русское» и «из всех сил ударилось в подражание, или, лучше сказать, передразнивание иностранцев...»².

Каким же путём надеется Белинский уничтожить разрыв между народом и «обществом»? Каким образом думает он достичь торжества своих гуманистических идеалов свободы и равенства людей? В чём видит он средство для изменения современной русской действительности, для уничтожения её зол и пороков? — В просвещении.

В 40-х годах Белинский называл «идею социализма» «альфой и омегой» своих воззрений. Такой «альфой и омегой» его взглядов в 30-х годах была идея просвещения. Белинский вступил в жизнь с сознанием несправедливости существующих общественных отношений. Начав с протеста против крепостного права и неравенства людей, он неминуемо должен был столкнуться с вопросом о том, как, какими средствами можно уничтожить зло современных человеческих отношений. Ответ, который нашёл Белинский, гласил: нужно изменить людей, воспитать их сознание; достичь этого можно через просвещение. «Гражданская свобода, — писал он в письме к одному из своих друзей в 1837 году, — должна быть плодом внутренней свободы каждого индивида, составляющего народ, а внутренняя свобода приобретает сознанием. И таким-то прекрасным путём достигнет свободы наша Россия»³.

Теоретическим основанием, на котором пытался Белинский в начале 30-х годов утвердить свои идеалы, была философия объективного идеализма, распространявшаяся в это время рядом русских мыслителей (Павлов, Надеждин, Одоевский, Станкевич) и по своему происхождению восходящая к идеям Шеллинга.

Объективно-идеалистическая теория единства природы и духа привлекла Белинского возможностью понять окружающий мир как разумный в своей сущности. Ему казалось, что идеалистическое понимание человека как высшей формы проявления мирового духа позволяет обосновать его горячее убеждение в достоинстве человеческой личности и в высоком назначении человека. Более же всего привлекла Белинского диалектическая тенденция современного ему объективного идеализма. Идея развития в природе и в истории служила основанием его уверенности в возможности изменения существующих общественных порядков и совершенствования человека и общества.

Мир, окружающий человека, рассматривается в это время Белинским как совокупность форм, в основе которых лежит единое духовное начало, единая вечная идея. Эта идея находится в

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. I, стр. 329.

² Там же, стр. 330.

³ В. Г. Белинский. Письма, т. I, стр. 92.

непрерывном движении и развитии. Человек является высшей формой воплощения вечной идеи. Назначение человека поэтому состоит в том, чтобы наиболее полным и совершенным образом выразить в себе великую жизнь идеи.

Утверждая, что нравственная жизнь «вечной идеи» — это борьба добра со злом, любви с эгоизмом, Белинский считает, что назначение человека как высшего воплощения мировой идеи состоит в нравственном совершенствовании, в победе добра над злом внутри человека. «...отрекись от себя, подави свой эгоизм, попри ногами твоё своекорыстное я, дыши для счастья других, жертвуй всем для блага ближнего, родины, для пользы человечества, любви истину и благо не для награды, но для истины и блага...»¹, — призывает Белинский в «Литературных мечтаниях». Он развивает взгляд на жизнь человека как на великий нравственный подвиг; он утверждает, что «только жизнь... исполненная лишений и страданий, может называться жизнью человеческою»².

Уже в первых работах Белинского сказалась оригинальная самостоятельная разработка им философских вопросов. Характеризуя человека и его назначение, развивая идею «совершенствования», Белинский постоянно подчёркивает значение деятельности человека. Он утверждает, что осуществить своё высокое назначение, выразить своим существованием — индивидуальным и общественным — жизнь мировой идеи, её разум и чувство человек может лишь путём деятельности, борьбы. «Без борьбы нет заслуги, без заслуги нет награды, а без действия нет жизни!»³ — восклицает Белинский в «Литературных мечтаниях». «Два пути ведут человека к его цели: путь разума и путь чувства, и благо ему, когда они оба сливаются в пути деятельности»⁴, — утверждает он в одной из рецензий 1835 года.

Призыв к деятельности, к борьбе проходит лейтмотивом во всех работах Белинского этого времени. Начиная с «Литературных мечтаний», понимание человека как существа по самой своей природе активного становится исходным пунктом мысли Белинского, а проблема человеческой деятельности — стержнем его дальнейшей философской эволюции.

Общефилософские принципы понимания мира и человека Белинский распространяет на область истории.

Исходным моментом понимания истории для Белинского является признание исторического прогресса. «Что представляют собой индивидуумы, то же представляет и человечество: оно борется ежеминутно и ежеминутно улучшается»⁵. История, по

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. I, стр. 319.

² В. Г. Белинский. Соч., т. II, стр. 125.

³ В. Г. Белинский. Соч., т. I, стр. 320.

⁴ В. Г. Белинский. Соч., т. II, стр. 143.

⁵ В. Г. Белинский. Соч., т. I, стр. 320.

его мнению, — это «картина успехов человечества на поприще самосовершенствования»¹.

Основу прогрессивного развития человечества Белинский, согласно своей идеалистической философской концепции, видит в развитии сознания, в распространении просвещения. «...Человечество делается лучше не от знания истории, не от опытности, почерпаемой из её уроков, но от полного гармонического сознания своего назначения, цели своего существования; а это сознание может произойти от повсеместного, общего просвещения...»².

История человечества в целом складывается из истории отдельных народов. Белинский утверждает, что каждый народ выражает своей жизнью одну какую-нибудь сторону жизни всего человечества: «...только идя по разным дорогам, человечество может достигнуть своей единой цели; только живя самобытной жизнью, может каждый народ принять свою долю в общую сокровищницу»³.

Эта своеобразная роль, выполняемая каждым народом, определяется, по мнению Белинского, характером, «духом» народа, проявляющимся в особом образе мыслей, в религии, языке и, подчёркивает Белинский, более всего в обычаях. Причину своеобразия народного характера Белинский видит в географических условиях жизни народа. Климат и местность — таков, по его мнению, «общий источник» особенностей народа, «причина всех причин».

С позиций этих общих положений своей философско-исторической концепции Белинский рассматривает историю России. Он считает, что характер русской истории отличается значительным своеобразием. Пытаясь понять и объяснить это своеобразие, Белинский не ограничивается указанием на особенности географических условий, а обращается уже к конкретным историческим обстоятельствам развития России и русского народа. Связь с Византией, татаро-монгольское иго, создание централизованного русского государства под властью царского самодержавия — таковы, по мнению Белинского в этот период, важнейшие исторические особенности развития России, которые создали, в соединении с географическими условиями, особый своеобразный характер народа, определили его мировоззрение, уклад и обычаи его жизни.

Выработав определённый характер народа и уклад народной жизни, эти исторические обстоятельства привели в то же время к тому, что русский народ оказался почти совершенно изолированным от жизни и развития других народов. Жизнь русского народа, по словам Белинского, была «...самобытная и характерная, но односторонняя и изолированная»⁴. Важнейшей исторической потребностью развития страны и народа стало сближение с жизнью других народов. «...этому народу надобно было при-

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. II, стр. 111.

² Там же, стр. 112.

³ Там же, стр. 323—324.

⁴ В. Г. Белинский. Соч., т. I, стр. 326.

общиться к общей жизни человечества, составить часть великого семейства человеческого рода»¹. Эта крупнейшая историческая задача решена была, по мнению Белинского, Петром I.

Но реформы Петра I, помимо сближения России с Европой, имели своеобразные последствия в жизни России. Они привели к резкому разрыву между массой народа и «обществом». Как уже указывалось, путь к уничтожению этого разрыва Белинский видит в просвещении. «Придёт время, — утверждает он в «Литературных мечтаниях», — просвещение разольётся в России широким потоком, умственная физиономия народа выяснится, и тогда наши художники и писатели будут на все свои произведения налагать печать русского духа. Но теперь нам нужно ученье! ученье! ученье!»².

Оценивая русскую литературу, Белинский в начале своей литературно-критической деятельности считал, что она ещё не достигла той ступени развития, когда она в целом может быть названа литературой народной, полно и всесторонне отражающей жизнь народа, носящей на себе яркую печать народной индивидуальности. «У нас нет литературы», — утверждает Белинский в «Литературных мечтаниях», вкладывая в эти слова тот смысл, что русская литература не стала ещё подлинным выражением духа народа, вполне самобытной формой выражения народного сознания. Путь к достижению этих целей в развитии литературы Белинский видит всё в том же просвещении.

При всей ограниченности взглядов Белинского в первые годы его деятельности, эти взгляды в условиях России того времени были прогрессивными. В их основе лежали глубокая вера в прогресс человечества и в силу человеческого разума, гуманистические идеалы, идея развития. Пронизывающий все работы Белинского этого периода призыв к деятельности, настойчивое подчёркивание мысли, что сущность человеческой жизни — деятельность, борьба, утверждение высокого достоинства человека и активной роли его как творца истории и общественных отношений — в условиях николаевской реакции 30-х годов имели, несомненно, прогрессивное значение.

Дальнейшее развитие мысли Белинского в 30-х годах определялось его стремлением связать теорию с жизнью, практически применить принятые им общетеоретические принципы.

Одним из вопросов, с которыми столкнулся Белинский, стремясь перекинуть мост от своих теоретических убеждений к практической жизни и деятельности, был вопрос о том, каково конкретное содержание принципов человеческой деятельности, откуда человек получает эти принципы. В 1836 году Белинский, познакомившийся в это время с философией Фихте, приходит к выводу, что принципы и законы человеческой деятельности целиком априорны. Не в окружающей действительности, а в себе самом, в

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. I, стр. 326.

² Там же, стр. 394.

своём разуме, в своём сознании человек должен искать руководящие принципы своей деятельности, со всей решительностью утверждает Белинский. Естественно, что это приводит Белинского к ещё более резкому подчёркиванию значения развития сознания, распространения просвещения как средства переустройства общества.

Разрыв мысли и реальной действительности, явившийся следствием попытки Белинского утвердить деятельность человека на априорных законах субъективного сознания, не избавил и не мог избавить знаменитого критика от ощущения действительности как силы, противостоящей человеку и его стремлениям. Это противоречие, остро ощущаемое Белинским, постепенно выводило его мысль из тупика субъективизма. Чем сильнее чувствовал Белинский реальность внешней жизни, её силу и её гнёт, тем яснее становилось ему, что деятельность человека, не приведённая в соответствие с законами объективной действительности, не опирающаяся на них, обречена на то, чтобы остаться пустым, бесплодным донкихотством. И уже в 1837 году намечается у Белинского тенденция к признанию объективной исторической закономерности.

«Поворот к действительности», ясно обозначившийся в мысли Белинского к осени 1837 года, укрепляется и получает новое направление благодаря знакомству его в конце 1837 года с философией Гегеля. Белинский с этих пор утверждает господство в истории человечества объективной закономерности и строгой необходимости. Но, полагая в основу этой закономерности и необходимости внутреннее развитие духа, разума, Белинский вслед за Гегелем приходит к неверным выводам. Если история человеческого общества разумна в своей основе, если каждый шаг человечества выражает необходимую ступень в развитии мирового разума, то, следовательно, утверждает Белинский, разумна и необходима существующая историческая действительность, разумны и необходимы и существующие общественные и политические формы, ибо в них воплотились «субстанциальные формы духа». Развиваемая последовательно, эта точка зрения приводила Белинского к своеобразному оправданию существующих общественных и политических форм и к примирению с ними.

«Примирение» Белинского с действительностью объяснялось в буржуазной литературе ошибочным истолкованием Белинским известного тезиса Гегеля — «всё действительное разумно, всё разумное действительно». Известно, что в этой формуле понятие действительности у Гегеля не равнозначно непосредственному существованию. Однако сам Гегель в «Философии права» вкладывал в эту формулу реакционный, «примирительный» смысл, и потому, как указывал ещё Плеханов, ошибка Белинского была сделана им вслед за Гегелем.

Стремление Белинского в конце 30-х годов уничтожить разрыв между мыслью и действительностью, его попытка основать дея-

тельность человека не на субъективных законах разума, а на законах развития самой объективной действительности, несомненно, были прогрессивным моментом в развитии мысли Белинского и составляют «рациональное зерно» его взглядов этого периода. Однако выводы, к которым пришёл Белинский в 1838—1839 годах, были глубоко ошибочны и находились в глубочайшем противоречии с основными принципами его мировоззрения, с целенаправленностью его мысли.

Белинский неустанно искал теорию, которая обосновала бы практическую деятельность человека, направленную на переустройство общества. Примирение же с действительностью приводило к отрицанию самой возможности и необходимости такой деятельности. Признав существующую действительность разумной и необходимой, человек не мог действовать против неё.

Мысль Белинского, далее, с самого начала развивалась на основе отрицания современной ему русской действительности. Между тем признание существующих общественных форм разумными и необходимыми приводило Белинского к необходимости оправдания тех самых гнусных порядков николаевского времени, против которых он истрастно восставал всей силой своей благородной природы.

Эти глубочайшие противоречия не могли не встать перед Белинским со всей остротой. Действительность, которую никак нельзя было назвать разумной,— русская самодержавно-крепостническая действительность,— громко заявляла о себе и разрушала теоретические выводы Белинского.

Уже в конце 1839 года Белинский переживает смятённое состояние духа, вызванное жестоким противоречием русской действительности с его теоретическими построениями. В 1840 году Белинский окончательно распрощался с «примирительной» точкой зрения. В письме к Боткину 4 октября 1840 года он восклицает: «Проклинаю моё гнусное стремление к примирению с гнусной действительностью!»¹.

Но, отвергая примирительные выводы, Белинский не отказывается от основной идеи, занимавшей его мысль в конце 30-х годов,— идеи объективной исторической закономерности. Однако признание объективной исторической закономерности дополняется теперь у Белинского утверждением права человека на активное отрицание действительности, без которого «...история человечества превратилась бы в стоячее и вонючее болото...»².

Сознание исторической правомерности отрицания существующей действительности, стремление основать общественно-преобразовательную деятельность человека на законах самого исторического развития — таков итог теоретических исканий Белинского в 30-х годах.

¹ В. Г. Белинский. Письма, т. II, стр. 163.

² Там же, стр. 186.

Общественно-исторические, философские и эстетические воззрения Белинского в 40-х годах

Основным принципом мировоззрения и деятельности Белинского в 40-х годах является «идея отрицания», т. е. идея борьбы с современной действительностью. «Нет, пока рука держит перо, пока в душе ещё не остыли ни благородное негодование, ни горячая любовь к истине и благу, — не прятаться, а идти навстречу этой гнусной действительности буду я!»¹, — восклицает Белинский в письме к Бакунину в 1840 году.

Идеалом, во имя которого Белинский объявляет войну современной действительности, является, как и ранее, свободное развитие человеческой личности, «возвращение прав личного человека, восстановление человеческого достоинства»². Гуманизм, «бешеная, фанатическая любовь к свободе и независимости человеческой личности»³ попрежнему остаётся краеугольным камнем мировоззрения Белинского.

Однако гуманизм Белинского в 40-х годах коренным образом отличается от того гуманизма, который вдохновлял автора «Дмитрия Калинина» и «Литературных мечтаний». Защищая права и достоинства человеческой личности, Белинский в 30-х годах считал, что создание общественных условий, обеспечивающих свободное развитие личности, должно быть результатом «внутреннего» освобождения людей, т. е. изменения их сознания. В противоположность этому, в 40-х годах Белинский утверждает, что «внутреннее» освобождение человека возможно лишь как результат «внешнего» его освобождения. Другими словами, если ранее Белинский видел путь к переустройству общества в изменении людей, то теперь он требует прежде всего изменения самих общественных условий. «...все общественные основания нашего времени требуют строжайшего пересмотра и коренной перестройки, что и будет рано или поздно»⁴, — утверждает он теперь. Гуманизм Белинского в 40-х годах — это гуманизм революционера-демократа, требующего радикального изменения основ общественного устройства и утверждающего, что свобода человеческой личности может быть достигнута лишь при социалистической организации общества.

Революционные убеждения Белинского складывались под влиянием обострения классовой борьбы на Западе и в России. Развитие классовой борьбы в Западной Европе в 40-х годах, являвшееся прологом революционных событий 1848 года, явно обнаруживало острейшие противоречия капитализма и противоположность коренных интересов буржуазии и трудящихся масс. В то же время в России всё более очевидной становилась тормо-

¹ В. Г. Белинский. Письма, т. II, стр. 81.

² Там же, стр. 246.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 203.

заящая роль крепостного строя в развитии страны и резче проявлялось недовольство широких масс народа крепостническими порядками. «Крестьяне сильно возбуждены, спят и видят освобождение»¹, — писал Белинский в письме к Анненкову в 1847 году.

Обострение классовой борьбы на Западе и в России в 40-х годах поставило в центре внимания русской общественной мысли вопрос, который впервые был выдвинут уже в 30-х годах, — об историческом развитии России в его отношении к ходу развития западноевропейских стран. Именно этот вопрос был основным в полемике западников и славянофилов 40-х годов.

Белинский, принявший живейшее участие в этой полемике, был самым последовательным, непримиримым противником славянофильства. Но при этом Белинский был далёк от какой бы то ни было апологетики западных капиталистических порядков. Напротив, он подвергает капиталистический строй резкой критике. В центре этой критики — неравенство людей в капиталистическом обществе, капиталистическая эксплуатация человека человеком, своекорыстие и духовное ничтожество буржуазии.

В рецензии на роман Э. Сю «Парижские тайны» Белинский, набрасывая общую картину современной капиталистической Франции, рисует бедственное положение народа, свою кровью завоевавшего в 1830 году политические права для буржуазии и оставшегося попрежнему рабом капиталиста-собственника. Белинский показывает «конституционную мишуру» буржуазного государства «в её истинном виде». Он разоблачает формальный характер буржуазных «свобод» и показывает фактическое бесправие народа в современном капиталистическом обществе. «Французский пролетарий перед законом равен с самым богатым собственником (propriétaire) и капиталистом; тот и другой судится одинаким судом и, по вине, наказывается одинаким наказанием; но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот даёт ему работу и произвольно назначает за неё плату. Этой платы бедному рабочему не всегда станет на дневную пищу и на лохмотья для него самого и для его семейства; а богатый собственник с этой платы берёт 99 процентов на сто... Хорошо равенство!»².

Глубоко сочувствуя трудящемуся народу Западной Европы, Белинский решительно восстаёт против буржуазии и её владычества. Когда тяготеющие к либерализму московские «западники» — Боткин, Грановский и др. — отрицательно отнеслись к «Письмам из Avenue Magigny» Герцена, осудив их за резкую критику буржуазии, Белинский встал на сторону Герцена. Он утверждал,

¹ В. Г. Белинский. Письма, т. III, стр. 316—317.

² В. Г. Белинский. Избранные философские сочинения, стр. 312. М. 1941.

что в «Письмах» Герцен нарисовал верную картину современной буржуазной Франции. «...я знаю, — писал он Боткину, — что владычество капиталистов покрыло современную Францию вечным позором... Всё в нём мелко, ничтожно, противоречиво; нет чувства национальной чести, национальной гордости... Всё, в чём блещут искры жизни и таланта, всё это принадлежит к оппозиции — не к паршивой парламентской оппозиции, которая, конечно, несравненно ниже даже консервативной партии, а к той оппозиции, для которой bourgeoisie — сифилитическая рана на теле Франции»¹.

Критикуя капитализм, Белинский в то же время видел, что в историческом развитии человечества он был прогрессивным этапом. Прогрессивность капитализма Белинский связывал в первую очередь с тем мощным развитием «материальных средств», которые принёс с собой капиталистической строй. «Я знаю, — писал он Боткину, — что промышленность — источник великих зол, но знаю, что она же — источник и великих благ для общества»².

Но видя историческую необходимость и прогрессивность капитализма, Белинский рассматривает его в то же время как переходящий этап в развитии человечества, как переход к новой, высшей фазе развития. Белинский утверждает, что нелепа мысль, будто бы теперь «развитие должно остановиться, потому что дошло до самой крайней степени и дальше идти не может»³. Более того, он считает возможным определить, в общих чертах, путь дальнейшего развития человечества, характер новой фазы общественной жизни, идущей на смену капитализму. Он утверждает, что в настоящее время «можно предчувствовать и даже предвидеть основание будущей эпохи...»⁴. Таким «основанием будущей эпохи» — основанием, вырастающим из отрицания коренных начал современной жизни, — является для Белинского социализм.

«Итак, я теперь в новой крайности, — это идея социализма, которая стала для меня идеею идей, бытиём бытия, вопросом вопросов, альфою и омегою веры и знания. Всё из неё, для неё и к ней. Она вопрос и решение вопроса»⁵, — писал Белинский в письме к Боткину в сентябре 1841 года. «Идея социализма» в 40-х годах действительно является важнейшим элементом мировоззрения Белинского.

Социализм для Белинского — осуществление идеалов равенства, свободы и братства людей и народов. Белинский прекрасно видит иллюзорный характер буржуазного «равенства» и буржуазных «свобод». В термины «равенство», «свобода», «братство» он вкладывает новое содержание, противопоставляя свободу и равенство людей в социалистическом обществе фактическому неравен-

¹ В. Г. Белинский. Письма, т. III, стр. 326.

² Там же, стр. 331.

³ В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 460.

⁴ Там же.

⁵ В. Г. Белинский. Письма, т. II, стр. 232.

ству и несвободе их при капитализме. Равенство людей в будущем социалистическом обществе имеет своей основой для Белинского их экономическое равенство, отсутствие эксплуатации человека человеком. Только такое — экономическое — равенство может, по мнению Белинского, обеспечить действительное политическое равенство людей, подлинно демократический характер правления, создать основу для свободного развития личности, для братского единения людей и народов.

Горячий сторонник переустройства общества на социалистических началах, Белинский не верил в то, что это переустройство может быть осуществлено мирным путём. «...смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови»¹, — утверждал он.

В отличие от социалистов-утопистов Запада Белинский связывал «идею социализма» с идеей революции, с необходимостью насильственного уничтожения современных общественных порядков.

«...тысячелетнее царство божие, — писал он, — утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснородушной Жиронды, а террористами — обоюдо-острым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов»².

Белинский пытался понять историческую необходимость социалистического общества — к этому толкала его «историческая точка зрения», прочно вошедшая в мысль Белинского в 40-х годах. Но почему и как новый «золотой век» оказывается исторически подготовленным современной ступенью развития общества — на этот вопрос Белинский не смог ответить. Его социализм, не опиравшийся на материалистическое понимание истории и научный анализ законов развития капитализма, остался лишь утопической мечтой о лучшем будущем человечества.

Революционно-демократические и социалистические убеждения Белинского находили своё теоретическое обоснование в диалектическом взгляде на мир. Для Белинского отрицание существующего общественного устройства во имя новой, лучшей организации общества правомерно не только потому, что оно отвечает субъективным желаниям людей, но прежде всего потому, что оно имеет основание в самой природе вещей и явлений, законом существования которых является развитие, переход от низших форм к высшим.

Исходным методологическим принципом для Белинского является поэтому требование рассматривать явления в их изменении и развитии и в самом развитии видеть прогресс, движение от низших форм к высшим. «Для кого настоящее не есть выше прошедшего, а будущее выше настоящего, тому во всём будет казаться застой, гниение и смерть»³, — утверждает Белинский.

¹ В. Г. Белинский. Письма, т. II, стр. 269.

² Там же, стр. 305.

³ В. Г. Белинский. Соч. т. IX, стр. 21—22.

Развитие мыслится Белинским как процесс имманентный, внутренне присущий явлениям. «Результата каждого явления должно искать в самом этом явлении...»¹,— утверждает он. Соответственно этому и источник развития Белинский ищет не во вне, а внутри, в природе самих явлений.

Пытаясь понять развитие как самодвижение и отыскать его внутренние причины, Белинский вплотную подходит к мысли о борьбе противоположностей как источнике развития. «Живое», т. е. способное к развитию, тем отличается, по его мнению, от «мёртвого», что «в самой сущности своей заключает начало противоречия»².

Развитие, движение вперёд совершается поэтому в борьбе различных сил и тенденций. «Всё живое есть результат борьбы; всё, что является и утверждается без борьбы,— всё то мёртво»³.

Наибольшей глубины и силы мысли Белинского достигает в анализе развития как возникновения нового. Для Белинского развитие означает прежде всего именно появление нового, не существовавшего ранее. Новое, по мысли Белинского, знаменует собой более высокую ступень развития. «...во всём новом,— утверждает он,— всегда выражается стремление к прогрессу, если не прогресс»⁴. Новое возникает на основе старого, являясь в то же время его отрицанием. Особо подчёркивая момент отрицания в развитии, Белинский видит в нём «жизненность развития». Однако в самом отрицании содержится, по его мнению, момент связи со старым. «Но это отрицание,— пишет он,— было бы пустым, мёртвым и бесплодным актом, если бы оно состояло только в уничтожении старого»⁵. В действительности новое, отрицая старое и борясь против него, в то же время обнаруживает «и свою от него зависимость, и свою с ним кровную связь»⁶.

Несмотря на то, что новому обычно приходится выдерживать жестокую борьбу со старым, оно неодолимо пробивает себе дорогу. «Этот род прогресса, — говорит Белинский, — самый прочный и несокрушимый и неодолимый: против него нет никаких мер...»⁷.

В последовательном проведении Белинским «принципа развития», в понимании развития как прогресса, как возникновения нового, в подчёркивании роли отрицания и неодолимости нового отчётливо выступает значение диалектики Белинского как теоретической основы его революционно-демократических убеждений.

Развитие философских взглядов Белинского в 40-х годах совершалось в процессе преодоления и критики гегелевского идеализма.

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. IX, стр. 94.

² В. Г. Белинский. Соч., т. VIII, стр. 67—68.

³ В. Г. Белинский. Соч., т. IX, стр. 237.

⁴ Там же, стр. 88.

⁵ В. Г. Белинский. Соч., т. VIII, стр. 285.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 286.

Белинский всегда отдавал должное диалектическому методу Гегеля — этой прогрессивной стороне гегелевской философии. Крупнейшую заслугу Гегеля в истории философской мысли он видел именно в гегелевском «методе спекулятивного мышления, до того верном и крепком, что только на его же основании и можно опровергнуть те из результатов его философии, которые теперь недостаточны или неверны: Гегель тогда только ошибался в приложениях, когда изменял собственному методу»¹.

Однако уже самое направление мысли Белинского — его стремление сделать теорию оружием практической преобразовательной деятельности людей — приводило Белинского неизбежно к столкновению с идеями Гегеля и его реакционной системой. Указывая на это обстоятельство, Герцен писал: «Чуждый схоластике, свободный от показной протестантской стыдливости и прусских условностей, Белинский возмущался этой жеманной наукой, которая свои истины прикрывала фиговым листом.

Однажды, опровергая в течение целых часов робкий пантеизм берлинцев, Белинский встал с места и своим трепещущим, судорожным голосом заявил: «Вы хотите меня уверить, что цель человека — привести абсолютный дух к его самосознанию, и довольствуетесь этой ролью; ну, а я не достаточно глуп, чтобы служить невольным органом кого бы то ни было... Ваш абсолютный дух, если он существует, мне чужд. Мне нечего его знать, так как у меня нет ничего с ним общего».

Мы приводим эти слова, — добавляет Герцен, — только затем, чтобы ещё раз показать склад русского ума. Как только начали проповедовать о нелепости дуализма, первый же талантливый русский человек, который занялся немецкой философией, указал, что она была реалистична только на словах, а в основе оставалась религией земной, религией без неба, логическим монастырём, в который укрываются, чтобы погружаться в мир отвлечённостей»².

Ещё в конце 30-х годов, находясь под сильным влиянием Гегеля, Белинский, однако, не считал себя скованным его авторитетом. Разрыв с «примирением с действительностью» и переход Белинского на позиции революционного демократизма и социализма были одновременно разрывом с «примирительным» направлением гегелевской философии, началом её серьёзной и резкой критики. «Я давно уже подозревал, что философия Гегеля — только момент, ...но что абсолютность её результатов ни к не годится, что лучше умереть, чем помириться с ними»³, — пишет Белинский Боткину весной 1841 года. «Я имею особенно важные причины злиться на Гегеля, — продолжает он в том же письме, — ибо чувствую, что был верен ему (в ощущении), мирясь с расейскою действительностью...»⁴.

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 398.

² А. И. Герцен. Соч., т. VI, стр. 385.

³ В. Г. Белинский. Письма, т. II, стр. 212—213.

⁴ Там же, стр. 213.

Белинский подвергает резкой критике реакционные политические взгляды Гегеля, оправдание им современных прусских порядков. «...подлецы, тираны человечества! — с возмущением пишет он о прусском правительстве. — Член тройственного союза палачей свободы и разума. Вот тебе и Гегель!»¹. Убогим и реакционным представляется Белинскому политический идеал Гегеля — конституционная монархия. «...какое узенькое понятие!»² — презрительно пишет он об этом гегелевском идеале.

Видя в теории оружие для практической деятельности, направленной на переустройство общества, Белинский критикует «мыслительно-созерцательный, субъективно-идеальный, восторженно-аскетический, отвлечённо-учёный» характер немецкой философии. Ограниченность германской науки и искусства Белинский видит в том, что они рассматривают действительность не как объект для практической, преобразующей деятельности, а лишь как «предмет для сознания». Поэтому немецкая философия и немецкая поэзия, несмотря на «мирообъемлющий» характер их идей, в конечном счёте призывают «к миру с действительностью, какова бы ни была эта действительность»; им свойственны «апатическая терпимость» к существующему, готовность примириться с ним, на них лежит неизгладимая печать немецкого филистерства. «Положите немца в тиски, — ему и в них будет хорошо, если он поймёт их механизм и переведёт их значение на язык науки»³, — иронически пишет Белинский.

Белинскому была глубоко чужда мысль Гегеля о «конце», завершении процесса развития. В противоположность Гегелю он считает прогрессивное развитие во всех сферах действительности бесконечным, не имеющим границ.

В середине 40-х годов Белинский оставляет окончательно не только гегелевский идеализм, но и идеализм вообще.

Переход Белинского к философскому материализму был естественным следствием того направления, которое приняла в 40-х годах его мысль. Обратившись к действительности, Белинский стремится глубже и правильнее понять её, объяснить из неё самой, понять реальный мир и реального человека. Знакомство в 1842 году с философией Фейербаха, в частности с идеями «Сущности христианства», только способствовало развитию мысли Белинского в сторону материализма. Несомненную роль сыграла в этом также его дружба с Герценом, развивавшим в 40-х годах идеи философского материализма.

Порвав с идеализмом, Белинский решительно отвергает существование в мире «сверхнатурального». Его трезвый реалистический ум не мирится с признанием потусторонних таинственных сил, управляющих жизнью. Яростно обрушивается Белинский на мистицизм позднего Шеллинга, — «заживо умершего романтика».

¹ В. Г. Белинский. Письма, т. II, стр. 214.

² Там же, стр. 247.

³ В. Г. Белинский. Соч., т. II, стр. 536.

Переход на позиции философского материализма означал изменение взглядов Белинского на человека. Если в 30-х годах Белинский утверждал, что человек — это высшая форма воплощения духовного начала, «мысль, одетая телом», то теперь он рассматривает человека с материалистических позиций. Человек для него теперь — это единый организм, в котором духовная сторона не может быть отделена от материальной, ибо связана с ней и зависит от неё. «Психология, не опирающаяся на физиологию, — писал Белинский в своей статье «Русская литература в 1846 году», — так же несостоятельна, как и физиология, не знающая о существовании анатомии»¹. «Что действия, т. е. деятельность, ума есть результат деятельности мозговых органов — в этом нет никакого сомнения...»², — пишет он в 1847 году. Но, признавая зависимость духовной деятельности человека от деятельности его мозговых органов, утверждая первичность материи по отношению к сознанию, Белинский возражает одновременно против сведения психологии к физиологии, мысли к её материальному субстрату. «Духовную природу человека, — говорит Белинский, — не должно отделять от его физической природы, как что-то особенное и независимое от неё, но должно отличать от неё, как область анатомии отличают от области физиологии»³.

В 40-х годах Белинский, таким образом, рассматривает человека как материальное физическое существо. Но попрежнему человек понимается им как существо прежде всего деятельное, активно относящееся к окружающему его миру. Белинскому, как и другим представителям русской классической философии, удалось в этом отношении пойти значительно дальше созерцательного материализма Фейербаха. От Фейербаха Белинского отличает то обстоятельство, что Белинский не только не отбросил диалектического метода, но, наоборот, стремился развить его дальше и применить в конкретном анализе.

Белинский говорил о необходимости создания новой системы философского мировоззрения, системы, которая сделала бы философию наукой, освободив её от всего фантастического и мистического.

«Освободить науку от призраков трансцендентализма и *théologie*, показать границы ума, в которых его деятельность плодотворна, оторвать его навсегда от всего фантастического и мистического — вот что сделает основатель новой философии»⁴, — писал он в письме к Боткину в 1847 году.

В последние годы своей жизни Белинский — убеждённый атеист. Правда, он признаёт существование Христа как исторической личности, но Христос для него — человек, общественный

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. X, стр. 406.

² В. Г. Белинский. Письма, т. III, стр. 175.

³ Там же.

⁴ Там же.

деятель, реформатор, и учение Христа не имеет, по его убеждению, ничего общего с официальной религией и церковью.

Можно с большим основанием предполагать, что в развитии атеистических и материалистических взглядов Белинского известную роль сыграло его знакомство со статьями Маркса в «Немецко-французском ежегоднике». В январе 1845 года Белинский писал Герцену: «Кетчер писал тебе о Парижском Ярбюхере и что будто я от него воскрес и переродился. Вздор! Я не такой человек, которого тетрадка может удовлетворить... Истину я взял себе,—и в словах бог и религия вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре»¹. В статье о книге Григорьева «Еврейские секты в России» (1847 год) Белинский высказывает мысли, во многом созвучные взглядам Маркса того времени на религию. «Религиозные постановления, — пишет Белинский в этой статье, — долгое время были в тесной, неразрывной связи с постановлениями гражданскими... Поэтому критика религиозного законодательства многих народов есть в то же время и критика общественного устройства...»².

Белинский с самого начала своей деятельности был противником агностицизма. Утверждение познаваемости мира, вера в силу человеческого разума свойственны Белинскому на всём протяжении развития его мысли.

В 40-х годах Белинский, критикуя агностицизм и скептицизм, опирается на историческую точку зрения. Относительность человеческого знания — излюбленный аргумент философского скептицизма — Белинский объясняет, исходя из взгляда на познание как на исторический процесс. Полемизируя против сторонников скептицизма, он пишет: «По недостатку исторического такта, эти умы не могут понять, что истина развивается исторически, что она сеется, поливается потом и потом жнётся, молотится и веется и что много шелухи должно отсеять, чтоб добраться до зёрен... Но уже проходит время скептицизма, и теперь всякое простое, частное убеждение, даже ограниченное и одностороннее, ценится больше, чем самое многостороннее сомнение, которое не смеет стать ни убеждением, ни отрицанием и поневоле становится безцветною и болезненною мнительностью»³.

Белинский считает необходимым сочетание эмпирического и рационального методов познания. Изучение фактов для него — основа научного мышления, но лишь раскрытие законов превращает знание в науку.

Материалистические воззрения Белинского не получили всестороннего развития, — ранняя смерть Белинского помешала этому. Несомненно, однако, что идеи философского материализма, развитые Белинским в работах последних лет, не только были

¹ В. Г. Белинский. Письма, т. III, стр. 87.

² В. Г. Белинский. Избранные философские сочинения, стр. 455.

³ В. Г. Белинский. Соч., т. IX, стр. 21—22.

чрезвычайно плодотворными для него самого, но и сыграли свою роль в дальнейшем развитии материалистической философии в России.

В мировоззрении Белинского в 40-х годах большое место занимают проблемы социологии. Внимание Белинского к этим проблемам было естественным следствием его стремления обосновать «идею отрицания» при помощи конкретного анализа истории и определить особенности и перспективы истории России.

Историческое развитие человечества рассматривается Белинским как прогресс, как движение от низших форм к высшим. Мысль о прогрессивном характере исторического развития настойчиво подчёркивается во всех его работах 40-х годов. «...теперь история, чуждая идеи прогресса, никем не будет признана в достоинстве истории»¹, — утверждает он.

Прогресс, в котором Белинский видит «источник и цель исторического движения», понимается им как бесконечный, не имеющий границ. «Нет предела развитию человечества, — пишет он, — и никогда человечество не скажет себе: стой, довольно, больше и тти некуда!»².

Отстаивая идею прогресса в истории, Белинский возражает против упрощённого понимания прогресса как прямолинейного движения вперёд. Исторический прогресс для Белинского — процесс сложный и многообразный. В историческом развитии возможны, по его мнению, «неуспех, упадок, движение назад».

Белинский в особенности подчёркивает ту мысль, что прогресс в истории, подобно всякому прогрессивному развитию вообще, должен быть понят не как результат действия каких-либо внешних сил, а как результат самодвижения, саморазвития. «Всякое органическое развитие совершается через прогресс, — утверждает Белинский, — развивается же органически только то, что имеет свою историю, а имеет свою историю только то, в чём каждое явление есть необходимый результат предыдущего и им объясняется»³. Исторический прогресс, как и всякий прогресс вообще, состоит, по мнению Белинского, в возникновении и развитии нового.

Вопрос о содержании и источниках исторического прогресса Белинский решает идеалистически. В основе исторического развития лежит, по его мнению, стремление человечества к «разумному сознанию», т. е. стремление сделать разумным своё «непосредственное существование». «Идея сознания, диалектически-развивающегося в событиях»⁴, является для Белинского той «непрерывной нитью», которая связывает между собой отдельные периоды жизни человечества и сообщает им единство и целостность.

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 456.

² Там же, стр. 460.

³ В. Г. Белинский. Соч., т. XI, стр. 79.

⁴ В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 458.

Утверждая, что человечество движется вперёд «через распространение и обобщение идей»¹, Белинский не удовлетворяется, однако, сведением истории к «сознательному движению, производимому благородными деятелями». Он считает, что историческое движение и прогресс «должны быть определены и охарактеризованы как можно глубже и многостороннее». Становясь на этот путь, Белинский высказывает материалистические догадки о роли материального фактора и материальных потребностей в общественной жизни. Общество, пишет Белинский, есть «предмет многосторонний, организм многосложный, который состоит из души и тела и в котором, следовательно, нравственная сторона должна быть тесно слита с практической, и интересы духовные — с выгодами материальными... Историк должен показать, что исходный пункт нравственного совершенства есть прежде всего материальная потребность и что материальная нужда есть великий рычаг нравственной деятельности. Если б человек не нуждался в пище, в одежде, в жилище, в удобствах жизни, — он навсегда остался бы в животном состоянии. Этой истины может пугаться только детское чувство или пошлый идеализм»². Роль «материальных средств» в жизни общества, в особенности в новое время, Белинский отмечает неоднократно. Однако он не даёт правильного определения характера материальных условий жизни общества и не доходит до понимания их определяющей роли в общественном развитии.

Тенденция к материалистическому объяснению истории обнаруживается у Белинского и при конкретном анализе хода исторических событий. Идея, движущие развитием общества, Белинский нередко выводит из фактов исторической жизни и притом связывает эти идеи с интересами определённой части общества. Так, возникновение феодализма в Западной Европе Белинский связывает с «системой завоевания», видя в завоевании начало разделения западноевропейского общества на класс «патронов» и класс «вассалов», которые, в свою очередь, отделились от народа. Следствием этого разделения была борьба классов или сословий, играющая, по мнению Белинского, чрезвычайно большую роль в истории Западной Европы. Важнейшими моментами этой истории он считает борьбу феодальной аристократии с народом, борьбу между государями и феодалами, борьбу среднего сословия и народа против аристократии и абсолютизма, наконец, борьбу победившего среднего сословия — буржуазии — с народом. Белинский подходит, таким образом, к пониманию роли классовой борьбы в жизни общества, хотя его объяснение причин деления общества на классы ошибочно.

Новое всегда возникает из старого, готовится им, утверждает Белинский, защищая взгляд на историю как на единый за-

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 463.

² Там же.

кономерный процесс. Но в то же время новое потому именно и есть новое, что оно противостоит старому, является его отрицанием и развивается в борьбе с ним. Отрицание существующего порядка вещей играет поэтому в истории огромную роль, являясь мощным движущим началом исторического прогресса. «Мрачный дух сомнения и отрицания, как элемент, или, лучше сказать, как сторона всецелого и вечного духа жизни, играет в движении великую роль, отрывая отдельные лица и целые массы от непосредственных и привычных положений и стремя их к новым и сознательным убеждениям...»¹.

В чём же, в конечном счёте, следует видеть источник возникновения нового и его борьбы со старым, составляющих содержание исторического прогресса? Ответ на этот вопрос ясно обнаруживает идеалистическую ограниченность социологических взглядов Белинского. Борьба нового со старым в истории является, по его мнению, естественным следствием «человеческой природы».

Но социологические взгляды Белинского, при всей их идеалистической ограниченности, были для России 40-х годов прошлого века, несомненно, прогрессивными. По своему научному значению они представляли шаг вперёд в развитии социологической мысли в России; их политическая тенденция состояла в обосновании возможности и необходимости прогрессивного преобразования современных общественных отношений в России и на Западе.

Исторически прогрессивный характер социологических взглядов Белинского отчётливо выступает в его полемике со славянофилами по вопросу об историческом пути развития России.

Ложность славянофильской доктрины является, в глазах Белинского, прежде всего результатом ошибочной методологии славянофилов. Основной порок этой методологии — отсутствие «исторической точки зрения», т. е. взгляда на историю как на закономерный процесс развития человечества. С мастерством подлинного диалектика Белинский разоблачает антинаучный, метафизический характер методологии славянофилов. Мысль славянофилов о возможности «перескочить», «перепрыгнуть» через целый исторический период так же смешна в глазах Белинского, как мысль о возможности «...переменить порядок годовых времён, заставив за весною следовать зиме, а за осенью — лето»².

Белинский горячо защищал прогрессивность и историческую необходимость петровских реформ. Возражая славянофилам, он доказывал, что реформы Петра I вовсе не лишили Россию её национальной самобытности, не толкнули Россию на ложный путь; напротив, они явились мощным толчком развития России.

В спорах со славянофилами Белинский выступал защитником диалектики против метафизики, единства народов — против национализма, прогресса — против застоя и реакции. Он ясно видел реакционный характер славянофильства. Он понимал,

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 337.

² В. Г. Белинский. Соч., т. X, стр. 399.

что стремление славянофилов вернуть Россию к допетровским временам вырастает из боязни развития в России классовой борьбы, а за разговорами о «любви» и «смирении», как свойствах русского национального характера, скрываются страх перед народным движением и оправдание самодержавия. Его не обмануло слезливое «народолюбие» славянофилов. Он разглядел, что «народолюбие» прекрасно уживается у них с нежеланием отказываться от помещичьих привилегий, и неутомимо разоблачал и высмеивал барина, неловко костюмировавшегося крестьянином». В славянофилах он справедливо видел «витязей прошедшего и обожателей настоящего» и был беспощаден к ним.

Революционер-демократ Белинский был последователен в разоблачении реакционных тенденций славянофилов. Разночинец, никогда не владевший «крещёной собственностью», он яснее, чем его дворянские друзья, видел помещичью природу славянофильства. Для него не существовало «моста» между обоими лагерями: вера в общину как самобытное начало русской жизни была так же чужда ему, как и остальные догмы славянофилов. Принципиальный всегда и во всём, он не отделял людей от их убеждений и, борясь против идей славянофильского лагеря, не мог и не хотел щадить его отдельных представителей.

Ни на минуту не становясь апологетом капитализма, Белинский в то же время в последние годы жизни приходит к выводу, что «процесс гражданского развития в России начнётся не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуазию»¹. В основании этого взгляда Белинского лежало понимание того, что прогресс страны необходимым образом связан с её экономическим развитием. И именно потому, что капитализм мог и должен был в громадной мере способствовать развитию русской экономики, Белинский считал его прогрессивным и необходимым этапом в развитии России. В то же время, однако, Белинский считал его временным, преходящим этапом и продолжал верить в конечное торжество в России и на Западе социалистических идеалов.

Защищая в спорах со славянофилами ту мысль, что будущее выше прошедшего и настоящего, Белинский был полон веры в великое будущее России и русского народа.

Белинский не раз отмечал огромную природную талантливость русского народа, его изумительную многостороннюю одарённость. С гордостью указывал он на то, что, развиваясь в неблагоприятных исторических условиях, русский народ сумел за необычайно короткий срок выдвинуть ряд великих общественных деятелей и полководцев, сумел создать замечательную литературу. Для Белинского нет никаких сомнений в том, что русский народ показал и доказал своё право на великое будущее.

«Нам, русским, нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении,— писал Белинский; — из всех славян-

¹ В. Г. Б е л и н с к и й. Письма, т. III, стр. 339.

ских племён только мы сложились в крепкое и могучее государство, и как до Петра Великого, так и после него, до настоящей минуты, выдержали с честью не одно суровое испытание судьбы, не раз были на краю гибели, и всегда успевали спастись от нее и потом являться в новой и большей силе и крепости. В народе, чуждом внутреннего развития, не может быть этой крепости, этой силы. Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру своё слово, свою мысль...» .

Белинский указывал на то, что русский народ может и должен воспринять лучшие достижения других народов и, развив и обогатив собственным вкладом мировую цивилизацию, сказать миру своё новое, оригинальное слово. Предрекая русскому народу великое будущее, Белинский писал: «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940-м году — стоящую во главе образованного мира, дающую законы и науку и искусству, и принимающую благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества...» ².

Патриотизм Белинского не имел ничего общего с чванливым шовинизмом. Белинский признавал равное право всех народов на активную роль во всемирной истории. Он мечтал об уничтожении национальной розни, о сближении народов как «членов великого семейства человечества» и яростно восставал против всякой попытки противопоставить «национальное» «общечеловеческому». Но, борясь против реакционного, «квасного» «патриотизма», Белинский с не меньшей страстностью обрушивался и на защитников космополитизма; «жалки и неприятны» были ему эти «...спокойные скептики, абстрактные человеки, беспаспортные бродяги в человечестве» ³.

Развитие культуры, просвещения, сближающее между собой народы, вовсе не должно, по мнению Белинского, привести к сглаживанию национальных особенностей отдельных народов и их культуры. Вне национальностей, как «личностей» человечества, последнее — лишь «мёртвый логический абстракт». Прогресс каждого народа совершается национально, своеобразно, и каждый народ должен внести свою лепту в общую сокровищницу человечества.

Защищая идею национально-самобытного развития народов, Белинский боролся за развитие самобытной русской культуры. Он гневно выступал против русских «галломанов» и «англоманов», восхвалявших всё европейское и с презрением относившихся к русскому народу и к отечественной культуре. С возмущением писал он о пустоголовых русских «европейцах», «которые с восхищением говорят о последней фельетонной сказке выписавшегося французского беллетриста, или с амфазом поют новый водевиль-

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. X, стр. 401.

² В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 224.

³ В. Г. Белинский. Письма, т. III, стр. 300.

ный куплет, давно забытый парижанами, — и с презрительным равнодушием, или с оскорбительною недоверчивостию смотрят на гениальное произведение русского поэта, для которых Россия не имеет будущего, и в ней всё дурно и ничего порядочного быть не может»¹.

Патриотизм Белинского был неразрывно слит с его революционным демократизмом. Борьба за прогресс России, за широкое развитие русской культуры была неотделима для Белинского от борьбы с самодержавно-крепостническими порядками в современной ему России.

Революционно-демократические убеждения Белинского, его диалектика и философский материализм легли в основу эстетических взглядов критика в 40-х годах. Белинский является страстным защитником реалистического, правдивого изображения жизни в искусстве.

Реализм в искусстве означает для него не простое копирование действительности, а обобщённое, типизирующее её изображение. Реализм художника неразрывно связан теперь для Белинского с идейным содержанием произведения искусства. «В картинах поэта, — утверждает Белинский, — должна быть мысль, производимое ими впечатление должно действовать на ум читателя, должно давать то или другое направление его взгляду на известные стороны жизни»².

Защищая реалистическое, высоко идейное искусство, Белинский в 40-х годах резко критикует теорию «искусства для искусства». «Мысль о каком-то чистом, отрешённом искусстве, живущем в своей собственной сфере, не имеющем ничего общего с другими сторонами жизни; есть мысль отвлечённая, мечтательная. Такого искусства никогда и нигде не бывало»³, — пишет он в своей статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года».

Художник, утверждает Белинский, есть сын своего времени и своего народа. Искусство, будучи тесно связано с жизнью, является живым откликом на события современности; художник призван быть выразителем «сокровенной думы всего общества», того «общего и необходимого», что даёт колорит и смысл всей его эпохе. Искусство служит важнейшим интересам человечества, способствует пробуждению самосознания народа. «Отнимать у искусства право служить общественным интересам — значит не возвышать, а унижать его, потому что это значит — лишать его самой живой силы, т.е. мысли, делать его предметом какого-то сибаритского наслаждения, игрушкой праздных ленивцев»⁴.

Белинский требует от искусства живой связи с современностью, правдивого изображения жизни и её объяснения. «Всякая поэзия, которой корни не в современной действительности, всякая

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. X, стр. 137.

² В. Г. Белинский. Избранные философские сочинения, стр. 412.

³ Там же, стр. 440.

⁴ Там же, стр. 405—406.

поэзия, которая не бросает света на действительность, объясняя её,— есть дело от безделья, невинное, но пустое препровождение времени, игра в куклы и бирюльки, занятие пустых людей...»¹.

Конечно, утверждает Белинский, искусство только тогда может выполнить свои общественные задачи, может быть «выражением духа и направления общества в известную эпоху», когда оно действительно является искусством. Но он решительно отвергает «художественность» как единственный критерий оценки произведения искусства. «Чисто-художественная критика, не допускающая исторического взгляда, теперь никуда не годится, как односторонняя, пристрастная и неблагодарная. Художественность и теперь великое качество литературных произведений; но если при ней нет качества, заключающегося в духе современности, она уже не может сильно увлекать нас»².

Анализируя развитие современной ему русской литературы, Белинский положительными сторонами этого развития считает сближение литературы с жизнью, отражение в литературе общественных вопросов. Он горячо защищает реализм Гоголя и натуральной школы. В движении русской литературы к реализму критик видит залог блестящего её развития, залог расцвета её как литературы самобытной, оригинальной, народной.

Основные принципы эстетических воззрений Белинского легли в основу всего последующего развития передовой русской эстетической мысли.

Своеобразным итогом всей литературной деятельности Белинского было его знаменитое письмо к Гоголю. Критикуя Гоголя за реакционные идеи его «Выбранных мест из переписки с друзьями», Белинский писал: «...вы не заметили, что Россия видит своё спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и соре, — права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью... Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отмена телесного наказания, введение по возможности строгого исполнения хотя тех законов, которые уже есть»³.

В письме к Гоголю Белинский выступает против трёх «оплотов» современной ему России: крепостного права, царского самодержавия и православной религии. Крепостное право, по глубокому убеждению Белинского, — коренное зло современных русских порядков. С глубокой горечью пишет Белинский об «ужасном зрелище страны, где люди торгуют людьми... где люди сами

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. IX, стр. 353.

² Там же, стр. 301.

³ В. Г. Белинский. Избранные философские сочинения, стр. 468.

себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Стешками, Палашками...»¹.

Убеждённый противник монархии, Белинский, упрекая Гоголя за «дифирамб любовной связи русского народа с его владыками», иронически пишет: «...предоставляю вашей совести упиваться созерцанием божественной красоты самодержавия (оно покойно, да — и выгодно), только продолжайте благоразумно созерцать его из вашего прекрасного далека: вблизи-то оно не так красиво и не так безопасно...»².

С возмущением говорит Белинский о прославлении Гоголем в его книге религиозности русского народа. Русский народ, утверждает Белинский, по натуре своей атеистический народ, ему чужды пиезизм и мистическая экзальтация: «...у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме, и вот в этом-то, может быть, огромность исторических судеб его в будущем»³.

Письмо Белинского к Гоголю Ленин называл «...одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору»⁴. Письмо Белинского явилось его своеобразным завещанием русской революционной демократии последующих поколений.

Протестуя против современных ему русских общественных порядков, Белинский призывал к их преобразованию. Но в 40-х годах он не видел и не мог ещё видеть в России тех общественных сил, которые способны были осуществить эти преобразования. В этом глубокая трагедия Белинского, как и других лучших русских людей, его современников.

Дело Белинского продолжили великие русские революционеры и демократы Чернышевский и Добролюбов. Идеино подготавливая народную революцию в России, они выполняли заветы Белинского.

В своей работе «Очерки гоголевского периода русской литературы» Чернышевский писал о Белинском как о великом русском патриоте, все свои силы отдавшем служению родной стране. «Много было достоинств у критики гоголевского периода, — писал Чернышевский, — но все они приобретали смысл, жизнь и силу от одной одушевлявшей их страсти — от пламенного патриотизма. Любовь к благу родины была единственной страстью, которая руководила ею: каждый факт искусства ценила она по мере того, какое значение он имеет для русской жизни. Эта идея — пафос всей её деятельности. В этом пафосе и тайна её собственного могущества»⁵.

Белинскому принадлежат замечательные слова, изумительно

¹ В. Г. Белинский. Избранные философские сочинения, стр. 468.

² Там же, стр. 470.

³ Там же.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. XVII, стр. 341.

⁵ Н. Г. Чернышевский. Избранные сочинения стр. 333. ГИХЛ, 1934 г.

верно определяющие существо истинного патриотизма. «Любить свою родину, — говорил Белинский, — значит — пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому»¹. Вот это стремление по мере сил своих способствовать прогрессу родной страны и лежало в основе всей деятельности Белинского. В условиях тогдашней России это значило неутомимо и страстно бороться против настоящего России во имя её великого будущего. Такой и была деятельность Белинского, и в этом её великое историческое значение.

Крепкие идейные нити связывают великое учение ленинизма с наследством русских революционеров-демократов XIX века. В своём докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» товарищ Жданов говорил: «Известно, что ленинизм воплотил в себе все лучшие традиции русских революционеров-демократов XIX века и что наша советская культура возникла, развилась и достигла расцвета на базе критически переработанного культурного наследства прошлого... Лучшая традиция советской литературы, — указывал тов. Жданов, — является продолжением лучших традиций русской литературы XIX века, традиций, созданных нашими великими революционными демократами — Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, Салтыковым-Щедриным, продолженных Плехановым и научно разработанных и обоснованных Лениным и Сталиным»².

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. VI, стр. 10.

² Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», стр. 23, 26. Госполитиздат, 1946.

Цена 60 коп.